Элинор Портер

ПОЛЛИАННА

#эксмодетство

Детская библиотека (Эксмо)

Элинор Ходжман Портер

Поллианна

«Эксмо»

1912

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Портер Э.

Поллианна / Э. Портер — «Эксмо», 1912 — (Детская библиотека (Эксмо))

ISBN 978-5-04-190184-4

В провинциальный городок Белдингсвилл переезжает удивительная девочка Поллианна. Каждый, кто встречается с ней хотя бы раз, навсегда меняет свою жизнь. Поллианна предлагает каждому «поиграть в радость». Правила игры предельно просты: нужно в любой ситуации, даже в самой грустной, увидеть чтото хорошее. Непосредственность и жизнелюбие девочки так заразительны, что вскоре даже самые суровые жители города открывают свои сердца и вместе с девочкой учатся быть счастливыми.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-190184-4

© Портер Э., 1912
© Эксмо, 1912

Содержание

Глава I 6
Глава II 9
Глава III 12
Глава IV 17
Глава V 22
Глава VI 26
Глава VII 31
Глава VIII 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Элинор Портер
Поллианна

Моей кузине Белль

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава I
Мисс Полли

Мисс Полли Харрингтон энергичным шагом вошла в кухню. Поскольку мисс Полли никогда в двери не входила, но, как и положено настоящей леди, величественно вплывала в них, легко было догадаться, что в это июньское утро она очень куда-то торопится. Или сильно чем-то взволнована. Или то и другое вместе.

Нэнси, мывшая в раковине посуду, бросила на неё удивлённый взгляд. Хотя в этом доме Нэнси работала всего два месяца, она уже успела достаточно много узнать о привычках своей хозяйки.

– Нэнси!

– Да, мэм, – бодро, но при этом довольно безучастно откликнулась Нэнси, продолжая оттирать тряпкой кувшин, который держала в руках.

– Нэнси! – голос мисс Полли сделался строже и суше. – Когда я разговариваю с тобой, ты должна бросить все свои дела и внимательно слушать, что я тебе скажу.

Нэнси покраснела, неловко принялась ставить на стол недомытый кувшин вместе с тряпкой, едва не опрокинула его на пол и окончательно смутилась.

– Да, мэм. Я буду вас слушать, мэм, – забубнила она, поправляя злополучный кувшин. – Просто вы же сами сказали, чтобы я быстрее посуду перемыла. Дескать, дел ещё много нынче утром. Да сами, наверно, помните…

Её хозяйка нахмурилась.

– Довольно, Нэнси, – совершенно шершавым голосом оборвала её мисс Полли. – Я в твоих объяснениях не нуждаюсь. Просто молчи и слушай.

– Да, мэм, – пискнула Нэнси, подавив вздох, и примолкла.

Вот наградил же её бог хозяйкой, которой вовек не угодишь, как ни старайся! Хотя кто его знает, какими бывают другие хозяйки. Раньше Нэнси ни у кого прислугой не работала, жила на родительской ферме с уютным названием «Уголки» километрах в десяти от города, но теперь нужда заставила. Неожиданно умер её отец, оставив вдову с детьми на руках. Детей было четверо, Нэнси – самая старшая, поэтому пришлось ей искать работу, чтобы поддержать семью. Вот так она и попала к мисс Полли Харрингтон, о которой знала лишь, что она – владелица старинного поместья Харрингтонов и одна из самых богатых женщин в городе. Но с тех пор прошло два месяца, и теперь-то Нэнси знала, что мисс Полли – хозяйка строгая; не очень, скажем прямо, приятная и нервная к тому же. Знаете, как она вздрагивает и хмурится, если вдруг дверь неожиданно хлопнет или ножик со стола на пол упадёт? А впрочем, хмурится она и тогда, когда ножи и двери ведут себя смирно. Ни разу ещё Нэнси не видела, чтобы мисс Полли улыбнулась, хотя бы самую чуточку.

– …А когда закончишь все свои утренние дела, освободи от вещей маленькую комнату в мансарде, ту, что возле лестницы, и принеси туда раскладную кровать, – монотонно продолжала мисс Полли. – Только сначала подмети там и приберись, как только коробки и баулы вынесешь. Ты слушаешь меня, Нэнси?

– Да, мэм. А куда мне вещи-то девать, которые я из той комнаты вынесу?

– Вещи?.. Переложи их к дальней стене, там, где окно над крыльцом. – Мисс Полли пожевала губами, а затем добавила: – Полагаю, что должна поставить тебя в известность, Нэнси, о приезде моей племянницы, мисс Поллианны Уиттер. Ей одиннадцать лет, она будет жить у меня и спать в той комнате, которую ты должна прибрать.

– Девочка? К нам приезжает маленькая девочка, мисс Харрингтон? Ой, да это же просто замечательно! – обрадовалась Нэнси, моментально вспомнив о своих младших сестрёнках. От них на ферме «Уголки» даже в хмурый день становилось светлее.

– Замечательно? Честно говоря, это не совсем то слово, которое кажется мне подходящим, – своим суконным голосом ответила мисс Полли. – Нет, я, конечно, позабочусь о ней. Женщина я, надеюсь, добрая, свой христианский долг знаю и исполню его.

– Да, мэм. Само собой, мэм, – густо покраснела Нэнси. – Просто я подумала, что маленькая девочка… Ну, что с ней вам самой жить станет… веселее, что ли.

– Благодарю, – ледяным тоном ответила на это мисс Полли. – Но особого веселья, как ты говоришь, мне в настоящее время не тре- буется.

– Да… нет… но вы же наверняка должны быть рады. Всё-таки родная племянница приезжает. Дочка вашей сестры… – рискнула продолжить Нэнси, которой очень хотелось сделать более тёплым и благожелательным приём, который ожидал здесь маленькую одинокую странницу.

– Заруби себе на носу, Нэнси, – высокомерно вздёрнула подбородок мисс Полли. – То, что моя сестра оказалась настолько глупой, чтобы необдуманно выйти замуж, а затем, что было уже полным безумием, наплодить никому не нужных детей, вовсе не означает, что я сама желаю возиться с ними. Но, как я уже сказала, свой долг я знаю и надеюсь его исполнить. Всё. Хватит болтать. Принимайся за дело, Нэнси, и не забудь как следует вымести углы в той комнате, ясно?

– Да, мэм, – вздохнула Нэнси, вновь беря со стола кувшин. Он уже остыл, засох – придётся теперь отмывать его заново.

Поднявшись в свою комнату, мисс Полли снова достала письмо, которое пришло пару дней назад из какого-то городка на Дальнем Западе страны и оказалось для неё неприятной неожиданностью. Очень неприятной. На конверте значился адрес: мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилл, штат Вермонт, а на вложенном внутрь листе бумаги было написано:

«Уважаемая сударыня! С прискорбием извещаю Вас о том, что преподобный Джон Уиттер две недели назад скончался, оставив сиротой свою дочь, девочку одиннадцати лет от роду. Кроме неё, после смерти преподобного практически не осталось никакого имущества, если не считать нескольких богослужебных книг. Впрочем, Вы сами наверняка знаете, что он был пастором в маленькой миссионерской церкви, где получал весьма скудное жалованье.

Пастор Уиттер был мужем Вашей покойной сестры, и с его собственных слов мне известно, что отношения между вашими семьями были не самыми лучшими. Однако перед смертью он выразил надежду, что в память о своей сестре Вы, возможно, не откажетесь принять его осиротевшую дочь и она найдёт приют в семье своих родственников на востоке. Именно поэтому я и пишу Вам.

К тому времени, когда Вы получите это письмо, девочка будет готова к переезду, и, если Вам будет угодно взять её к себе, просим немедленно уведомить нас о своём решении. Дело в том, что в самое ближайшее время один местный прихожанин вместе со своей женой отправляется в Бостон. Они могли бы взять девочку с собой и в Бостоне посадить на поезд, идущий до Белдингсвилла. Разумеется, мы Вам непременно сообщим о том, в какой день и каким поездом следует ожидать прибытия Поллианны.

С надеждой на быстрый и благоприятный ответ,

искренне Ваш Джереми О. Уайт».

Мисс Полли нахмурила брови, сложила письмо и вернула его в конверт. Ответ она отправила вчера, написав, что, конечно же, примет ребёнка. Мисс Полли Харрингтон очень хорошо знала свой христианский долг – так же хорошо, как и то, насколько ей будет неприятно выполнять его.

Присев на стул с письмом в руках, она стала вспоминать свою сестру, Дженни, мать осиротевшей девочки. Когда Дженни едва исполнилось двадцать лет, она вопреки желанию своих родственников настояла на том, чтобы выйти замуж за молодого священника. А ведь был у Дженни более интересный, более выгодный жених. Он-то как раз очень нравился всем членам семьи – кроме самой Дженни, естественно. Был тот жених постарше и намного, намного богаче. Да что, собственно, вообще имел за душой этот священник? Только полную юношеских мечтаний и дурацких идеалов голову да полное любви сердце… Дженни предпочла идеалы и любящее сердце, что, впрочем, было как раз очень похоже на неё. Короче говоря, вышла она за священника замуж и уехала вместе с ним в южные штаты, куда его направили миссионером, обращать в христианство неверующих.

С тех пор отношения между обеими семьями были разорваны. Это мисс Полли очень, очень хорошо помнила, хотя сама была в то время ещё совсем юной девушкой пятнадцати лет. С семьёй миссионера их больше ничто не связывало. Нет, если уж быть совершенно точным, то сама Дженни полностью родственные нити не обрывала, писала время от времени. Сообщила, например, что своего последнего ребёнка, девочку, назвала Поллианной в честь двух своих сестёр – младшей Полли и средней Анны. То письмо, кстати, стало последним, которое они получили от Дженни. Спустя несколько лет им пришло коротенькое, буквально в пару строк, письмо от миссионера о том, что Дженни умерла. Оно было отправлено из какого-то маленького захолустного городка на Дальнем Западе. После этого наступило полное затишье – как говорится, ни слуху ни духу о священнике-миссионере и его дочери.

А время на месте не стояло, и сейчас, глядя из окна на далеко расстилавшуюся внизу под холмом долину, мисс Полли невольно задумалась о тех переменах, которые произошли с обитателями этого большого дома за те двадцать пять лет, что пролетели после отъезда Дженни.

Собственно говоря, за эти годы никого из семьи, кроме самой мисс Полли, и на свете-то не осталось. Мать, отец, сёстры – все умерли, все. Вот уже много лет, как мисс Полли осталась единственной хозяйкой в большом доме на холме и единственной наследницей капиталов её отца. А ещё она осталась одна, совершенно одна в этом мире. Да, находились, конечно, доброжелатели, уговаривали её обзавестись другом или хотя бы компаньонкой, чтобы кто-то жил рядом с нею, спасал от одиночества. Но не нужно было мисс Полли ни их сочувствия, ни их советов. В ответ она всегда говорила, что вовсе не чувствует себя одинокой, что ей совершенно никто не нужен, что ей даже нравится жить в тишине и покое. Но теперь…

Мисс Полли поднялась на ноги, нахмурилась, пожевала плотно сжатыми губами. Нет, она, конечно же, была рада тому, что не только сознавала свой долг, но и нашла в себе силы, чтобы продемонстрировать это. Это поступок, достойный действительно хорошей христианки, не правда ли?

Но вот только… Поллианна… Что за нелепое имя, прости господи!

Глава II
Старый Том и Нэнси

Нэнси яростно скребла и тёрла полы в маленькой мансардной комнатке, обращая, разумеется, особое внимание на углы. Это был тот самый случай, когда она вкладывала столько сил в работу не только из усердия, сколько из желания таким образом «выпустить пар». Что ж, при всей своей робости перед хозяйкой, святой Нэнси всё-таки не была и бесконечным терпением не отличалась.

– Вот так бы… мне… душу её почистить, – пыхтела Нэнси, подкрепляя каждое своё слово звучным шлепком швабры. – Все закутки… все… углы. Да, много раз пришлось бы… тряпку отжимать… и воду менять. Додумалась, тоже мне, ворона старая!.. Ребёнка… сиротку… и в эту душегубку запихнуть, где зимой… холодина, а летом… от жары не продохнуть. Будто у неё в доме других комнат нету!.. Да здесь целую роту солдат разместить можно! Так нет же!.. Самую плохую клетушку выбрала!.. И для кого! Для сиротки, а?.. Как это она сказала, вобла сушёная? Ага… Ненужные дети, вот! – Нэнси сильно, до побелевших костяшек пальцев, отжала тряпку и в сердцах повторила: – Ненужные дети! По-моему, не дети здесь никому не нужны! Здесь кое-кто другой явно лишний, кое-кто другой!

После этого она некоторое время работала молча, но, закончив уборку, вновь заговорила, с отвращением осмотрев пустую комнатку:

– Ну ладно. Своё дело я сделала, всё тут чистенько стало, а уж всё остальное не в моих силах. Бедная, бедная девочка! Это ж какой камень вместо сердца иметь нужно, чтобы запихнуть в эту конуру маленькую бездомную сиротку, а? – Расчувствовавшись, Нэнси вышла в коридор и с грохотом захлопнула за собой дверь. Спохватилась, испуганно прикусила губу, но затем запальчиво добавила, махнув рукой: – И наплевать! Надеюсь, эта злыдня услышала! Вздрогнула? Глазищами своими захлопала? Вот и хорошо, так ей и надо!

В тот же день ближе к обеду Нэнси сумела выкроить несколько минуток, чтобы сходить порасспросить кое о чём Старого Тома. При доме Харрингтонов Старый Том служил садовником и сам уже не мог припомнить, сколько лет он клумбы здесь пропалывал да дорожки расчищал.

– Мистер Том, – начала Нэнси, бросив вначале беглый взгляд через плечо – посмотреть, не видит ли её кто-нибудь. – Мистер Том, вы знаете маленькую девочку, которая приезжает сюда? Жить у мисс Полли будет.

– Что-что? – с трудом разогнул свою скрюченную спину старик.

– Ну, вы девочку знаете? Племянницу мисс Полли.

– Да ну тебя со своими шуточками, – фыркнул Том. – В следующий раз придумай что-нибудь поинтереснее. Например, что солнце с завтрашнего дня на востоке садиться будет. Дескать, в газетах так написано.

– Но это правда, про девочку-то, – покачала головой Нэнси. – Хозяйка сама мне сказала, что это её племянница. Что одиннадцать годиков ей.

У Старого Тома от удивления отвисла челюсть.

– Да ладно!.. Какая ещё племянница… Одиннадцать лет… – Тут его выцветшие от времени глаза вдруг загорелись. Старый Том сообразил, о ком речь. – Постой… Да это же никак… Быть того не может! Неужели это впрямь дочка мисс Дженни? Ну да, она же только одна и была замужем из сестёр-то, только она. Да, Нэнси, так и есть, это, должно быть, дочка мисс Дженни, больше некому. Вот радость-то! Уж никак я не думал, что когда-нибудь своими глазами её увижу, никак не надеялся!

– А кто такая мисс Дженни?

– Она? Ангелом она была. Прямо с небес сюда спустившимся, – благоговейно прошептал старый садовник. – Правда, прежний хозяин и его миссис принимали её за свою старшую дочку. Ошибались, конечно. Куда им такую дочку иметь! А как только мисс Дженни двадцать лет исполнилось, она вышла замуж да и уехала вместе с мужем. Далеко они куда-то уехали, не помню уже точно куда. Слышал я, что с детьми им не везло – умирали они один за другим. Только одна, самая последняя девочка выжила. Вот она-то, надо думать, и приезжает к нам!

– Ей одиннадцать лет, – напомнила Нэнси.

– Одиннадцать? Что ж, похоже, это она, – кивнул головой старик.

– И эту девочку хозяйка хочет поселить в мансарде, в клетушке! Как ей только не стыдно! – возмутилась Нэнси, не забыв, правда, предварительно ещё раз оглянуться через плечо.

Старый Том нахмурился, а затем уголки его губ приподнялись в улыбке.

– Интересно, что будет делать мисс Полли с приехавшим в её дом ребёнком, – хмыкнул он.

– А мне гораздо интереснее, что будет делать с мисс Полли эта девочка! – сердито фыркнула Нэнси.

– Сдаётся мне, не очень-то она тебе нравится, наша мисс Полли, – ухмыльнулся Старый Том.

– Ага, будто она вообще может кому-то нравиться! – презрительно поморщилась Нэнси.

Старый Том загадочно улыбнулся, поиграл бровями, а затем пробурчал себе под нос, принимаясь за прерванную работу:

– Похоже, ты совсем ничего не знаешь о романе, который случился много лет назад у мисс Полли. Ничего не знаешь.

– Роман? У неё? Да ладно! Не слышала я ничего про её романы, да и никто другой во всём городе, я думаю, тоже.

– Но роман у неё всё-таки был, – медленно покивал старик. – И человек, который её любил, до сих пор, между прочим, живёт в нашем городе. Вот так-то.

– И кто же он?

– А вот этого я тебе не скажу. Права не имею. – Том с кряхтеньем выпрямился и глянул тусклыми голубенькими глазками в сторону дома, с которым была связана вся его долгая жизнь. Старый садовник по-своему гордился семьёй своих хозяев, любил их, служил им верой и правдой и, разумеется, свято хранил их тайны.

– Нет, ну это просто уму непостижимо – она и любовник! – не унималась Нэнси.

– Ты же не знаешь мисс Полли так, как знаю её я, – покачал головой Старый Том. – Она ведь в молодости прехорошенькая была! Да и сейчас могла бы красавицей быть, если бы только захотела!

– Мисс Полли? Красавицей?

– Да. Ей бы только распустить этак небрежно свои волосы, как встарь, да напялить поверх них шляпку соломенную с цветочками! Да платьице кружевное надеть. Белое, само собой. Вот тогда бы ты увидела, какая она красавица! Ведь мисс Полли совсем ещё не старая, Нэнси.

– Не старая? Да ну? Значит, просто очень ловко старой каргой прикидывается. Очень ловко! – снова фыркнула Нэнси.

– Прикидывается, – неожиданно согласился с нею Старый Том. – А началось это с ней как раз после того неудачного романа. Именно с тех пор она сделалась горькой, как полынь, и колючей, как ежевика, с тех самых пор. Несносной она стала, вот что я скажу.

– Это уж точно, – раздражённо подхватила Нэнси. – Несносная. Ничем ей не угодишь, как ни старайся, хоть лоб себе расшиби! И не нужно её выгораживать. Если бы не голодные рты у меня дома, которых кормить нужно, я ни минуточки здесь не задержалась бы. Но и у

меня терпение не железное. Когда-нибудь я скажу ей всё, что думаю, и тут же прочь, прочь отсюда. Бегом!

– Знакомая песня, – кивнул Старый Том. – Сам её пел когда-то. Но запомни, девочка, расплеваться и уйти – не лучший выход. Не лучший, это уж ты мне поверь.

И он низко склонил к земле седую голову, вновь принимаясь за работу.

– Нэнси! – долетел с крыльца раздражённый резкий голос.

– Да, мэм, – откликнулась Нэнси и, с отвращением поморщившись, поспешила к дому.

Глава III
Приезд Поллианны

Телеграмма, в которой извещалось, что Поллианна прибудет в Белдингсвилл на следующий день, двадцать пятого июня, четырёхчасовым поездом, пришла вовремя, не запоздала. Мисс Полли дважды перечитала телеграмму, нахмурилась, а затем поднялась по лестнице в мансардную, приготовленную для Поллианны, комнатку. Здесь выражение её лица менее кислым не сделалось.

В комнатке стояли аккуратно застеленная переносная кровать, два стула с жёсткими прямыми спинками, умывальник, комод без зеркала и маленький столик. Всё. Ни картин на стенах, ни занавесок на окнах, в которые весь день било солнце, отчего в комнатке было жарко, как в печке. Противомоскитных сеток на окнах тоже не было, поэтому их никогда не открывали. Сейчас в одно из стёкол с сердитым жужжанием билась неведомо как залетевшая сюда муха. Устав биться, она принималась ползать вверх и вниз по стеклу, не оставляя безуспешных попыток вырваться наружу.

Оказаться на воле мухе было не суждено – мисс Полли прихлопнула её и выкинула за окно, приоткрыв для этого на секунду крохотную, не более пары сантиметров, щёлочку. Совершив эту казнь, она поправила неровно, по её мнению, стоявший стул, нахмурилась ещё сильнее и с совершенно мрачным видом покинула комнату.

– Нэнси, – своим шершавым голосом сказала она, вплывая спустя несколько минут в дверь кухни, – я обнаружила муху. Наверху, в спальне мисс Поллианны. Это означает, что некоторое время назад в той комнате открывали окна. Я уже заказала для этих окон противомоскитные сетки, но их ещё не доставили, и до тех пор, пока их не привезут, окна должны оставаться закрытыми. Проследи за этим. Далее. Сегодня в четыре приезжает моя племянница, я хочу, чтобы ты встретила её на станции. Поедешь с Тимоти в двуколке. В телеграмме сказано: «Волосы светлые, платье клетчатое красное, соломенная шляпка». Больше мне о ней ничего не известно, но думаю, что этого тебе хватит, чтобы узнать её.

– Да, мэм… Но разве вы сами…

Мисс Полли прекрасно поняла смысл недосказанной фразы и твёрдо ответила:

– Нет, сама я не поеду. Не думаю, что в этом есть какая-то необходимость. Это всё. – И мисс Полли величественно покинула кухню с чувством исполненного перед своей племянницей долга. Она позаботилась о Поллианне? Позаботилась. И кто после этого усомнится, что она добрая женщина?

Оставшись одна, Нэнси продолжила яростно водить шипящим раскалённым утюгом по кухонному полотенцу, раздражённо приговаривая при этом себе под нос:

– Светлые волосы, клетчатое платье и соломенная шляпка – это, видите ли, всё, что ей известно! Вот уж действительно со стыда сгореть можно! И это она о своей единственной племяннице говорит, о девочке, которая сюда через всю страну едет!

На следующий день ровно без двадцати четыре Тимоти и Нэнси выехали в двуколке на станцию встречать маленькую гостью. Тимоти, между прочим, был сыном Старого Тома, поэтому неудивительно, что если Тома частенько называли в городе правой рукой мисс Полли, то Тимоти – её левой рукой.

Тимоти был добрым малым – хорошо воспитанным и к тому же очень симпатичным. Вскоре после того, как в доме появилась Нэнси, они очень, очень сдружились. Правда, сегодня занятой мыслями о девочке Нэнси было не до разговоров, так что до станции они доехали молча. Здесь Нэнси вылезла из двуколки и принялась в ожидании поезда прохаживаться по

деревянному перрону, без конца повторяя про себя: «Светлые волосы, красное клетчатое платье, соломенная шляпка…»

Интересно, какой она на самом деле окажется, Поллианна?

– Надеюсь, она окажется тихой и спокойной, дверями хлопать не начнёт и не будет ронять на пол ножи, – со вздохом сказала она привязавшему лошадь и присоединившемуся к ней Тимоти.

– Да уж. А если она не такая, то страшно даже подумать о том, что тогда будет. Нет, ты только представь себе эту парочку: девчонка- егоза и наша мисс Полли!.. О, свисток, слышишь? Поезд идёт!

– Ох, Тимоти, я вот всё думаю: ну какая же она… что не поехала сама свою племянницу встречать, меня послала! – пробормотала Нэнси, повернувшись и поспешив на то место, откуда было лучше всего видно всех, кто сходит с поезда. Ей почему-то сделалось не по себе. Страшновато как-то.

Поллианну она узнала практически сразу же. Во-первых, не так уж много пассажиров сходило на их маленькой станции, а во-вторых… Ну разве можно было не узнать эту тоненькую девочку в красно-белом клетчатом платье, с двумя светлыми толстенькими косичками, спускавшимися на спину из-под соломенной шляпки. Девочка была совершенно одна, без взрослых, и нервно оглядывалась, поворачивая из стороны в сторону своё милое, щедро усыпанное веснушками личико, – явно искала кого-то.

Да, эту девочку Нэнси узнала сразу же, но ей потребовалось немного времени, чтобы унять неожиданную дрожь в коленях. Короче говоря, к тому времени, когда Нэнси приблизилась наконец, Поллианна оставалась на опустевшем перроне практически одна.

– Вы… мисс Поллианна? – каким-то чужим, задыхающимся голосом спросила Нэнси. Секунды не прошло, как её уже крепко обняли за шею две худенькие, высунувшиеся из красно-белых рукавов ручки.

– Ах, как я рада видеть тебя… Рада, рада, рада, – горячо зашептал в ухо Нэнси срывающийся звонкий голосок. – Да, я Поллианна, конечно же Поллианна, и я так рада, что ты пришла встретить меня! Я так надеялась, я знала, что ты придёшь!

– З-знала? – растерялась Нэнси, не понимая, как могла эта девочка знать её и хотеть, чтобы она пришла. – Знала, что я приду? – смущённо повторила она, пытаясь поправить свою съехавшую набок шляпку.

– Ну да. Я всю дорогу пыталась представить, какая ты, – воскликнула девочка, радостно пританцовывая вокруг Нэнси и жадно разглядывая её с головы до ног. – А теперь вот вижу и знаю. И очень рада, что ты именно такая… такая…

Нэнси слегка полегчало только тогда, когда к ним подошёл Тимоти. Слова Поллианны донельзя смутили её, проникли до самой глубины души.

– Вот, познакомься, это Тимоти, – сказала она. – У тебя есть чемодан или…

– Есть. Сундучок, – с важным видом кивнула Поллианна. – Он совсем новенький. Его мне купили дамы из благотворительного комитета. Правда же, это было очень любезно с их стороны? Ведь на эти деньги они планировали купить не сундучок, а ковровую дорожку для центрального прохода в церкви. Я, конечно, не знаю, сколько может стоить такой сундучок, но не меньше, чем треть такой дорожки, наверное. Или даже целая половина. У меня с собой в сумочке есть такая маленькая бумажка, квитанция называется. Квитанция, правильно, да? Мистер Грей велел мне отдать её тебе, чтобы ты по ней мой сундучок из багажа получила. А мистер Грей – это, между прочим, муж миссис Грей. А миссис Грей – двоюродная сестра жены пастора Карра. Это вместе с ними я ехала сюда, на Восток. Они чудесные люди, просто чудесные! А вот… Вот и эта самая квитанция, – закончила она, порывшись в своей сумочке и выудив из неё наконец сложенный бумажный листочек.

Нэнси вздохнула. Да и кто угодно на её месте вздохнул бы после такого монолога. Затем взглянула украдкой на Тимоти и увидела, что он старательно отводит глаза в сторону.

Вскоре они втроём тронулись в путь в двуколке с притороченным к ней сзади сундучком Поллианны. Сама девочка устроилась между Нэнси и Тимоти. Разговорчивой она оказалась на диво – так и щебетала всю дорогу как птичка, не умолкая. Комментировала всё, что видела вокруг, сыпала сотни вопросов, непрестанно ахала от восторга… Уж на что была болтушкой сама Нэнси, но и у неё вскоре голова кру#гом пошла.

– Ой, красота какая! Нет, вы только взгляните, взгляните на это!.. Нам далеко ещё ехать? Надеюсь, что далеко. – Эту песню она завела, пожалуй, даже раньше, чем успели завертеться колёса двуколки. – Нет, если ехать недалеко, то я тоже огорчаться не стану. Ведь это значит, что мы скорее до дома доберёмся, правда? Ах, улица какая красивая! Как она называется? Здесь всё очень красиво, но так и должно быть. Папа рассказывал мне, как здесь хорошо. Рассказывал…

Поллианна ненадолго примолкла, и Нэнси увидела, как задрожал её маленький подбородок, как наполнились слезами прелестные глазки.

Но в тот же момент девочка поборола грусть, гордо вскинула голову, и снова зазвучал её звонкий голосок.

– Папа мне рассказывал всё, что ему запомнилось. Папа… Знаешь, я должна была тебе сразу объяснить, забыла просто. А миссис Грей мне строго наказывала, чтобы я сразу тебе об этом сказала. Понимаешь, это насчёт моего платья. Да, оно красное, в клеточку. Весёленькое платье, и ты, наверное, удивляешься, почему я не в чёрном, не в траурном. Но просто, видишь ли, когда мы последний раз собирали пожертвования в пользу церкви, никаких чёрных вещей нам не дали… Нет, вру, было там одно чёрное бархатное платье, только жена пастора Карра сказала, что оно мне не подойдёт. Во-первых, то платье было очень уж «женским», с баской – это, знаешь ли, такая коротенькая юбочка крылышками на талии, поверх основной юбки. В Испании такие носят. Ну и потом, на том платье много белых протёртых пятен было – под мышками, на локтях и в других местах тоже. Очень старое оно, сильно ношенное. Некоторые дамы из благотворительного комитета даже предлагали купить мне чёрное платье и шляпку, но другие дамы – а их было больше – сказали, что с меня и одного сундучка хватит, а деньги нужно на красную ковровую дорожку оставить. Ну ты помнишь, я говорила – для церкви. Короче, миссис Уайт сказала, что и так сойдёт, тем более что ей дети в чёрном не нравятся. Нет, не подумай, детей-то она любит, только чтобы они не в чёрное были одеты.

Поллианна на секунду прервалась, чтобы перевести дыхание, и Нэнси воспользовалась этим, чтобы самой вставить словечко.

– Не переживай. Я думаю, что с твоим платьем проблем не будет.

– Да? Я очень рада, что ты так думаешь. И мне самой тоже так кажется, – кивнула Поллианна и, тихонько шмыгнув носом, добавила: – Кроме того, в чёрном платье, я думаю, мне было бы гораздо труднее радоваться…

– Радоваться? – ахнула Нэнси, потрясённая таким неожиданным поворотом.

– Ну да. Нужно радоваться, что папа ушёл на небо, чтобы встретиться там с мамочкой и с моими братиками и сестричками. Папа сказал, что я должна радоваться. Правда, это довольно трудно делать даже в красном клетчатом платье, потому что я… Мне его так не хватает, я это всё время чувствую. Тем более что у мамочки там и до папы был Боженька, и ангелы, и её детки, а у меня никого, кроме дам из благотворительного комитета… Хотя теперь мне радоваться станет намного легче, потому что у меня появилась ты, тётя Полли. Я так рада, что ты у меня есть!

Разрывающая сердце жалость и сострадание, которые испытывала к этой маленькой чудесной девочке Нэнси, внезапно сменились смущением и даже отчасти страхом.

– Э… Но… Видишь ли, моя дорогая, произошла ошибка, – растерянно залепетала Нэнси. – Я… не твоя тётя Полли. Я Нэнси.

– Ты не моя тётя Полли? – явно оторопела девочка.

– Нет. Я Нэнси. Я… Мне и в голову не приходило, что ты можешь принять меня за свою тётю. Ведь мы с ней совершенно не похожи. Ну нисколечко!

Тимоти негромко хихикнул, но Нэнси сейчас было не до его шуточек и не до весёлых чёртиков в его глазах.

– Но кто же ты тогда? – спросила Поллианна. – Во всяком случае, на даму из благотворительного комитета ты тоже ни капельки не похожа!

Вот тут уж Тимоти позволил себе рассмеяться в полный голос, а Нэнси принялась объяснять.

– Я Нэнси, служанка. Делаю в доме мисс Полли всякую работу, кроме стирки и глажки больших вещей – постельного белья и всего такого прочего. Стиркой и глажкой у нас миссис Дурджин занимается.

– Но тётя Полли… Она существует? – заволновалась девочка.

– Ещё как существует! – широко ухмыльнулся Тимоти. – Можешь не сомневаться.

Поллианна заметно успокоилась.

– Ну, если она существует, тогда всё в порядке. – Она облегчённо вздохнула и снова продолжила как ни в чём не бывало: – А знаете, что я вам скажу? Я рада. Да, я даже рада, что тётя Полли не приехала меня встречать, потому что наша с ней встреча ещё впереди, а я уже успела с вами познакомиться. Нэнси, ты просто замечательная!

Нэнси покраснела, а Тимоти сказал ей, лукаво усмехнувшись:

– Отличный комплимент тебе отвесили, Нэнси. Поблагодарила бы за него юную леди, что ли.

– Погоди, Тим. Я сейчас про другое подумала, – выдавила Нэнси. – Про мисс Полли, понимаешь?

– Я тоже о ней сейчас подумала, – нетерпеливо вздохнула Поллианна. – Мне так интересно увидеть, какая она. Тётя Полли – моя единственная родственница на всём белом свете, а я о ней только совсем недавно узнала. Папа мне рассказал, когда уже болел. Говорил, что она живёт «в большом красивом доме на вершине холма».

– Всё верно, – кивнула Нэнси. – А дом этот уже отсюда виден. Вон там, впереди, белый с зелёными ставнями.

– Ой, красота какая! А деревьев сколько вокруг, и травы! Я никогда не видела столько зелёной травы в одном месте! А что, моя тётя Полли… Она богатая, да, Нэнси?

– Да, мисс. Богатая.

– Я очень рада за неё. Наверное, это очень приятно – иметь много денег. У нас с папой денег никогда не было и богатых знакомых тоже. Ну, если не считать Уайтов, у них какие-то денежки водились. У них и ковры во всех комнатах были, и мороженое по воскресеньям. А тётя Полли ест мороженое по воскресеньям?

Нэнси покачала головой, поджала губы, чтобы не улыбнуться, весело переглянулась с Тимоти.

– Нет, моя дорогая мисс. Твоя тётя мороженое не любит. Во всяком случае, я его ни разу у неё на столе не видела.

Поллианна сразу приуныла.

– Не любит? Мороженое не любит? – покачала она головой. – Ну и ну… Не понимаю, как это можно – мороженое не любить? Ну да ладно, может, даже и лучше без мороженого. Живот не заболит, как тогда, когда я переела мороженого у миссис Уайт. Да, я его тогда съела много, слишком много… А ковры у тёти Полли есть?

– О да, ковры у неё есть.

– Что, прямо в каждой комнате?

– Ну… почти в каждой, – ответила Нэнси и нахмурилась, вспомнив крохотную мансардную комнатёнку с голым полом. Там-то как раз никаких ковров и в помине не было.

– Это хорошо, – обрадовалась Поллианна. – Я очень люблю ковры. У нас у самих в доме ковров не было, только два маленьких коврика, их кто-то положил в ящик для пожертвований. Один был весь в чернильных пятнах. А в доме миссис Уайт были ещё картины на стенах. Красивые. Особенно одна с розами, а ещё девочка с котёнком. А ещё ягнята и лев. Нет, не вместе ягнята и лев, а на разных картинах. То есть в Библии, конечно, сказано, что со временем они будут пастись вместе, но это когда ещё будет! В раю. А тебе нравятся картины, Нэнси?

– Я… не знаю, – сдавленным голосом ответила Нэнси.

– А мне нравятся. Правда, у нас самих картин не было. Их, сама понимаешь, в ящики для пожертвований обычно не кладут. Однако как-то раз две картины всё же положили. Но одна картина была такая хорошая, что папа продал её, а на вырученные деньги мне ботиночки купил. А вот другая картина, наоборот, была такая плохая, что развалилась на кусочки, пока мы её вешали. Стекло разбилось, я расплакалась… Ну, короче, теперь я только рада, что у нас не было ни картин, ни прочих красивых вещей в доме. Да, рада, потому что не привыкла к ним, а значит, мне ещё сильнее понравится всё, что я увижу в доме у тёти Полли. Это… Это как если вдруг найти в корзине для пожертвований новые красивые ленты для волос вместо твоих старых, выцветших… О, что за дом, что за дом! Красавец! – внезапно переключилась она, когда двуколка свернула на широкую подъездную дорожку к крыльцу.

Чуть позже, пока Тимоти отвязывал и сгружал сундучок Поллианны, Нэнси улучила минуточку, чтобы тихонько шепнуть ему на ухо:

– И не вздумай больше уговаривать меня, чтобы я уволилась, Тимоти Дурджин, понял? Теперь я отсюда никуда не уйду, ни за какие деньги!

– Об этом никто и не говорит, – ухмыльнулся Тимоти. – Меня самого теперь на верёвке отсюда не утащишь. С приездом этой девочки тут сейчас такое веселье начнётся – в кино ходить не надо!

– Кино, кино, – раздражённо откликнулась Нэнси. – Боюсь, этому ангелочку совсем не весело будет жить с такой ведьмой, как наша хозяйка. Ей нужно будет опереться на кого-то, укрыться за чьей-то спиной. Вот такой спиной для неё я и собираюсь стать, Тимоти. И стану, стану! А ты… смотри своё кино, вот!

И, дав самой себе страшную клятву защищать Поллианну, Нэнси взяла девочку за руку и повела вверх по широким каменным ступеням крыльца.

Глава IV
Маленькая комната в мансарде

Мисс Полли Харрингтон не соизволила подняться навстречу своей племяннице – так и осталась сидеть в кресле, когда в гостиной появились Нэнси и маленькая девочка в красном платьице.

– Здравствуй, Поллианна. Я… – начала она, неохотно оторвавшись от книги и протянув для поцелуя свою руку, на каждом пальце которой, казалось, было написано: «Долг, долг, христианский долг…». Договорить мисс Полли не успела – Поллианна стрелой метнулась через всю гостиную и бросилась ей на грудь обниматься.

– О, тётя Полли, тётя Полли! Я так рада, что ты взяла меня к себе! – захлёбываясь слезами, забормотала девочка. – Ты просто представить себе не можешь, какое это счастье быть с тобой и с Нэнси, если у тебя до этого никогошеньки не было на целом свете, кроме дам из благотворительного комитета!

– Да, вполне вероятно, – ледяным тоном ответила мисс Полли, безуспешно пытаясь оторвать от себя цепкие маленькие пальчики. – Хотя, впрочем, я не имела чести быть знакомой с этими дамами, – она перевела взгляд на стоящую в дверях Нэнси и распорядилась, нахмурив брови: – Можешь идти, Нэнси. А ты, Поллианна, будь любезна встать и выпрямиться. Я ведь до сих пор даже не рассмотрела, как ты на самом деле выглядишь.

Нервно хохотнув, Поллианна отпрянула от своей тётки и отступила на шаг назад.

– Да, конечно, тётя Полли, – сказала она. – Хотя смотреть-то, в общем, и не на что, кроме веснушек. Ах да, платье! Я должна объяснить, почему на мне красное клетчатое платье, а не чёрное бархатное с баской и белыми пятнами под мышками и на локтях. Я Нэнси уже рассказала по дороге, что мне говорил мой папа…

– Ладно, ладно. Мне совершенно не интересно знать, что говорил твой отец, – резко прервала её тётя Полли. – У тебя чемодан есть, я полагаю?

– Да, конечно есть, тётя Полли. Сундучок. Очень красивый. Мне его подарили дамы из благотворительного комитета. Правда, вещей в нём немного… ну, то есть моих собственных вещей. Знаете, в последнее время в ящики для пожертвований очень редко стали класть одежду для девочек, поэтому в сундучке в основном книги. Папины книги. Миссис Уайт сказала, что я должна взять их себе. Мой папа, видите ли…

– Поллианна, – вновь, но всё так же резко прервала её мисс Полли, – я хочу, чтобы ты с самого начала усвоила одну простую вещь. Я не желаю, чтобы ты постоянно говорила при мне о своём отце. Меня это не интересует, ясно?

– Но… тётя Полли, – судорожно вздохнула девочка. – То есть ты хочешь сказать…

Она замолчала, и возникшую в разговоре паузу немедленно заполнила мисс Полли.

– Сейчас мы отправимся наверх, в твою комнату. Надеюсь, твой сундучок туда уже доставлен, я об этом распорядилась, когда говорила с Тимоти. Следуй за мной, Поллианна.

Не говоря ни слова, Поллианна повернулась и вышла из гостиной вслед за своей тёткой. Глаза девочки покраснели от слёз, но она храбро подняла голову.

«В конце концов, я, наверное, должна быть только рада, что она не хочет, чтобы я говорила о папе, – размышляла про себя Поллианна. – Мне самой, возможно, станет легче, если я не буду постоянно вспоминать о нём. Да, наверное, именно поэтому она так и сказала».

Убедив себя таким образом в «доброте» своей тёти, она смахнула слёзы с глаз и с новым интересом принялась рассматривать всё вокруг.

Сейчас они поднимались по лестнице. Впереди перед Поллианной маячило шуршащее чёрное шёлковое платье тёти, позади сквозь приоткрытую дверь виднелись кусочек пола,

покрытого бежевым ковром, и обитые атласом кресла. Под ногами Поллианны на ступенях тоже был разостлан ковёр – зелёный, словно мох, и мягкий-мягкий. А на стенах вдоль лестницы висели картины, на позолоченных рамах которых ослепительно сверкали солнечные зайчики, пробившиеся сквозь прикрытые кружевными занавесками окна.

– О, тётя Полли, тётя Полли! – восторженно проговорила Поллианна. – До чего же прекрасный, просто чудесный дом у тебя! И как, наверное, ты должна быть рада, что такая богатая!

– Поллианна! – сердито обернулась через плечо её тётка, поднимаясь на верхнюю площадку лестницы. – Я просто поражена! Как ты можешь говорить мне такие вещи?

– А что, тётя Полли? Ты разве не рада? – простодушно удивилась Поллианна.

– Конечно же нет, Поллианна. И надеюсь, что никогда не забудусь настолько, чтобы возгордиться даром, который послал мне Господь. Гордиться богатством – грех, которого я всячески надеюсь избежать, – твёрдо заявила мисс Полли.

С этими словами она проследовала через лестничную площадку к двери, за которой начиналась лестница на чердак. Теперь она была очень рада тому, что решила поселить девочку в мансарде. Поначалу это было продиктовано желанием поместить племянницу как можно дальше от себя и от богато обставленных комнат, которые могли пострадать от детской неосторожности или шалости. Но теперь, обнаружив в Поллианне, как ей казалось, склонность к суетности и тщеславию, мисс Полли вновь и вновь хвалила себя за свою прозорливость.

Маленькие ножки Поллианны резво топали вслед за тётиными. Большие голубые глаза девочки с восторгом и интересом смотрели вокруг, а в голове нетерпеливо, словно крыльями птица, трепетала мысль: за какой же, за какой же из этих загадочных и чарующих дверей ожидает её собственная комната – прекрасная, уютная, с коврами, красивыми занавесками на окнах и картинами на стенах…

А затем её тётя Полли неожиданно открыла дверь, за которой показалась ещё одна лестница.

На этой лестнице смотреть, в общем-то, было не на что. Голые стены с обеих сторон. Наверху – тёмное пустое пространство со скошенным, снижающимся в дальних углах почти до самого пола потолком. Мансарда. А проще говоря, чердак под скатами крыши. В полумраке виднеются сваленные впереди сундуки и коробки. Жарко. Душно. Поллианна невольно подняла голову повыше – так тяжело здесь было дышать. А тётя Полли тем временем открыла неприметную дверь справа и сказала:

– Вот твоя комната, Поллианна. И твой сундучок уже здесь, как я вижу. Ключ от него у тебя?

Поллианна молча кивнула. Взгляд у неё был удивлённым и испуганным.

– Когда я задаю вопрос, Поллианна, – нахмурилась тётя Полли, – то хочу получить на него ясный ответ, а не какое-то мотание головой. Ты меня поняла?

– Да, тётя Полли. Ключ у меня.

– Вот так уже лучше, благодарю. Ну, всё, что тебе нужно, ты здесь сама найдёшь, – добавила мисс Полли, взглянув на вешалку с полотенцами и кувшин с водой. – Я пришлю Нэнси, она поможет тебе распаковать вещи. Ужин в шесть часов.

С этими словами она выплыла из комнаты, а Поллианна осталась стоять, растерянно глядя ей вслед.

Затем обвела глазами голые стены, голый пол, голые, без занавесок, окна. Посмотрела на свой сундучок, совсем недавно стоявший в другой маленькой комнате, в доме на далёком-далёком Западе. Неуверенно, словно слепая, подошла к сундучку, упала перед ним на колени и уткнулась головой в крышку, закрыв лицо ладонями.

Так её и нашла Нэнси, зашедшая в комнату несколько минут спустя.

– Ну-ну-ну, бедный ты мой ягнёночек, – запричитала она, опускаясь на колени рядом с девочкой и обнимая её. – Этого я и боялась! Что приду и найду тебя вот так – всю в слезах. Милая ты моя!

– Нет, я не милая, Нэнси, я нехорошая. Я гадкая, гадкая, – всхлипывала Поллианна. – Я никак не могу заставить себя понять, что мой па-па… что он нужнее Боженьке и ангелам, чем мне.

– И ничуть он им не нужнее! – сердито отрезала Нэнси.

– Нэнси! Что ты, Нэнси! Разве можно так говорить? – ужаснулась Поллианна. Так сильно ужаснулась, что у неё даже слёзы высохли.

Нэнси смущённо улыбнулась и украдкой вытерла свои глаза.

– Ну конечно же, я так не думаю, детка. Совсем не думаю, – заторопилась она. – Давай-ка лучше свой ключик сюда, посмотрим, что это там в твоём сундучке! Платьица разберём – развесим, и всё будет славненько…

– Да их там совсем мало, – всё ещё дрожащим от слёз голосом тихо сказала Поллианна, протягивая Нэнси ключ от сундучка.

– Мало? Ну, значит, мы быстренько с ними справимся! – бодро воскликнула Нэнси.

– Верно! – неожиданно просияла Поллианна. – А если мы быстренько справимся, то я могу этому радоваться, правда?

– Ну… да… – неуверенно согласилась Нэнси, которую привёл в замешательство такой неожиданный взгляд на вещи. – Само собой…

Нэнси быстро, ловко распаковала всё небогатое содержимое сундучка – зачитанные книжки, залатанное бельишко, несколько жалких, уродливых платьиц. Поллианна старалась держаться стойко, деловито, даже с улыбкой крутилась возле Нэнси, помогала развешивать платья, поправляла разложенные на столе книжки, рассовывала бельишко по ящикам комода.

– Я думаю… Нет, я уверена, что это будет очень уютная комнатка, – с заметным сомнением в голосе сказала она. – А ты как думаешь, Нэнси?

Нэнси ничего не ответила – нырнула с головой внутрь сундучка. Не иначе как заметила на дне что-то очень важное. Поллианна задумчиво и слегка печально посмотрела на голую стену над комодом, а затем сказала решительно:

– Вот и хорошо, что здесь зеркала нет. Очень хорошо, радоваться надо. Нет зеркала – значит, я свои противные веснушки видеть не буду.

Углубившаяся в сундучок Нэнси издала горлом какой-то странный приглушённый звук и не спешила высовывать голову. Поллианна не стала ей мешать, перешла к окну и неожиданно закричала вдруг, восторженно хлопая в ладоши:

– Ах, Нэнси! Как же я сразу этого не заметила? Нет, ты только взгляни! Какой вид, какой вид! Отсюда же просто всё-всё видно, прямо как на ладони! Деревья, дома, шпиль позолоченный на церкви! Красивый! А чуть дальше река сверкает, как серебро. Знаешь, Нэнси, с таким видом из окна никакие картины и не нужны! Как же я рада теперь, что тётя именно в этой комнате меня поселила, именно здесь!

Вот этого Нэнси уже не выдержала и, к ужасу Поллианны, разревелась навзрыд.

– Ты что, Нэнси, ты что? – подбежала к ней девочка и испуганно добавила: – Постой, может, это твоя была комната, а её у тебя отняли?

– Моя комната? – гневно воскликнула Нэнси, глотая слёзы. – Моя?.. Если только ты не маленький ангел, спустившийся прямо с небес, и если кое-кому не придётся горько каяться, прежде чем… то я просто не знаю… О боже! Звонит! Она звонит!

И, не закончив свою путаную речь, Нэнси стремглав понеслась вниз, грохоча по деревянным ступенькам каблуками тяжёлых башмаков.

Оставшись одна, Поллианна вернулась к своей «картине» – так она называла теперь про себя вид из окошка. Постояв немного, осторожно прикоснулась пальцами к оконной раме.

Душно. Как же здесь жарко и душно – сил нет! Рама подалась на удивление легко, окно широко распахнулось, и Поллианна глубоко, всей грудью вдохнула свежий, напоённый сладкими ароматами сада воздух.

Затем она перебежала к другому окну, распахнула и его тоже. Под самым носом Поллианны промелькнула муха и с жужжанием скрылась где-то в глубине комнатки. За нею пролетела ещё одна муха, и ещё одна…

На мух Поллианна внимания не обратила, ей было не до них, потому что под вторым окном обнаружилось огромное дерево. Оно тянуло к Поллианне свои могучие ветви-руки, словно приглашая её в свои объятия.

Поллианна присмотрелась, подумала и вдруг сказала, рассмеявшись вслух:

– Конечно же, смогу!

Она проворно забралась на подоконник, откуда перебраться на ближайшую ветку было уже совсем не сложно. Ловко, как обезьянка, спустилась до самого нижнего сука. Прыгать с него на землю было страшновато даже для Поллианны, привыкшей с раннего детства лазить по деревьям, но она повисла на руках, зажмурилась и мягко упала на четвереньки в высокую траву. Живо вскочила и с жадным интересом огляделась вокруг.

Она оказалась за домом, и перед нею открылся сад, в котором, согнувшись в три погибели, работал какой-то старик. За садом начиналась узенькая тропинка, ведущая через поле и дальше вверх по крутому склону холма, на вершине которого у огромной скалы стояла на страже одинокая сосна. Всё это было так красиво, что в этот момент единственным местом, где хотелось бы очутиться Поллианне, стала именно вершина этой скалы.

Ловко и незаметно Поллианна обогнула стороной сгорбившегося старика, промчалась между аккуратными грядками, на которых ровными рядами росла какая-то зелень, и, слегка запыхавшись, выскочила на тропинку. Добежав до подножия холма, она начала подниматься вверх, удивляясь тому, каким долгим получается путь до заветной скалы, – ведь из окна её комнаты казалось, что до неё буквально рукой подать!

А ещё спустя пятнадцать минут большие старинные часы в холле особняка Харрингтонов начали отбивать шесть. Едва прозвучал последний, шестой удар, Нэнси зазвонила в колокольчик. Это был сигнал к ужину, который, как мы помним, в этом доме всегда подавали в шесть часов вечера.

Прошла минута, за ней вторая, третья. Сидевшая за столом мисс Полли всё сильнее хмурилась, постукивая по полу носком туфли. Затем не выдержала, встала, вышла в холл и раздражённо, нетерпеливо уставилась на ведущую наверх лестницу. Постояла ещё с минуту, внимательно прислушиваясь, затем развернулась и поплыла назад, в столовую.

– Нэнси, – сухо обратилась она к появившейся в дверях служанке. – Моя племянница опаздывает. Нет-нет, звать её не нужно, – остановила она Нэнси, попытавшуюся немедленно помчаться наверх, в мансарду. – Я ей сообщила, в каком часу мы ужинаем, но она не явилась вовремя и теперь будет за это отвечать. Пусть учится быть пунктуальной. Когда изволит явиться, отведи её на кухню и дай хлеба с молоком.

– Да, мэм, – ответила Нэнси (очень хорошо, что мисс Полли смотрела в этот момент в сторону и не видела выражения на её лице).

Как только выдалась свободная минутка после ужина, Нэнси проскользнула по лестнице наверх, в мансардную комнату.

– Хлеба с молоком! Этому ангелочку, этой бедняжке, которая, наверно, уснула, наплакавшись, всего лишь хлеба с молоком! – сердито приговаривала она, тихонько открывая дверь. Открыла, заглянула в комнату и испуганно воскликнула: – Где ты, Поллианна? Куда ты исчезла?

Нэнси заглянула в шкаф и под кровать, потом – от волнения и растерянности, должно быть, – в сундучок и даже в кувшин с водой. Никого там, само собой, не нашла, скатилась по лестнице вниз и выбежала в сад, к работавшему там Старому Тому.

– Мистер Том, мистер Том, эта ангельская девочка исчезла! – запричитала она, заламывая руки. – На небеса вознеслась, не иначе! Ходит сейчас в раю, ягнёночек наш, амброзию вместе с ангелами вкушает. Точно, точно амброзию, головой ручаюсь. А наша ведьма приказала отвести её на кухню и хлеба с молоком дать. Хорошо ещё, что не с водой!

Старый садовник медленно разогнул спину.

– Вознеслась? На небеса? – растерянно переспросил он, невольно поднимая взгляд к пылающему оранжево-красному вечернему небу. Посмотрел немного, затем сказал, усмехнувшись: – Вознестись не вознеслась, но как можно ближе к небу подобраться пыталась, это уж точно.

И он указал своим скрюченным пальцем на тоненькую, обдуваемую ветром фигурку, стоящую на вершине скалы на фоне заката.

– Значит, решила ещё не улетать от нас сегодня, подождать немного. Да-да, именно так, если вам, конечно, интересно знать, что я думаю, – уверенно заявила Нэнси. – Если хозяйка спросит, где я, скажите ей, что про посуду я помню, всё перемою, но сейчас просто пошла пройтись немного. Скажете ей, мистер Том, да?

Конец фразы она договаривала уже через плечо, на бегу, направляясь к ведущей через поле тропинке.

Глава V
Игра

– Господи! Ну и нагнала ж ты на меня страху, Поллианна! Разве так можно? – пыхтела Нэнси, выбираясь на вершину холма, к подножию скалы, с которой только что соскользнула Поллианна. С большой неохотой соскользнула, надо сказать.

– Я тебя напугала? Ой, прости, конечно, только впредь ты за меня никогда не бойся, Нэнси, никогда. Знаешь, мой папа, да и леди из благотворительного комитета, они все сначала боялись за меня, но потом поняли, что я всегда возвращаюсь и ничего плохого со мной не случается.

– Но я вообще не знала, что ты из дома вышла, – воскликнула Нэнси, беря маленькую девочку за руку и вместе с ней начиная спускаться с холма. – Не видела, как ты уходишь, да и никто не видел. По правде сказать, я решила, что ты прямо на небо из окна взлетела! Ей-ей, прямо на небеса!

– А я из окна и вылетела! – радостно подпрыгивая, объявила Поллианна. – Только не вверх, а вниз. По дереву на землю спустилась, вот.

– Погоди, – резко остановилась Нэнси. – Повтори-ка ещё разок, что ты сделала? Наверное, у меня с ушами что-то.

– Я вылезла в окно. А затем спустилась вниз по дереву.

– Звёзды-бабочки! – ахнула Нэнси и вновь устремилась вперёд. – Интересно, что твоя тётка сказала бы, узнай она про это!

– Интересно? Ладно, тогда я расскажу ей, вот ты и узнаешь, – охотно пообещала Поллианна.

– О нет, ни-ни-ни! – замахала свободной рукой Нэнси. – Боже тебя избави!

– А почему? Думаешь, она сильно разволнуется?

– Нет!.. То есть да!.. То есть неважно!.. Слушай, если честно, мне вовсе не интересно знать, что она скажет. Правда! Вот те крест! – затараторила Нэнси, стараясь уберечь Поллианну от тётушкиного гнева. Или ещё от чего похуже. – Ничего никому рассказывать не надо, и давай-ка шагу прибавим. Меня на кухне грязная посуда ждёт, знаешь ли.

– Я тебе помогу с посудой, – с готовностью предложила девочка.

– Да что ты, Поллианна! Спасибо, я сама справлюсь, – ответила Нэнси.

Какое-то время они шли молча. Быстро смеркалось, и Поллианна всё крепче сжимала руку новой подруги.

– А знаешь, я даже рада, что напугала тебя немного, – сказала, наконец, Поллианна и добавила, вздрогнув слегка: – Зато ты пошла искать меня и нашла.

– Ягнёночек ты мой! Крошка моя ненаглядная! Проголодалась небось. Только, боюсь, ужинать тебе придётся со мной на кухне, и будет это только лишь хлеб с молоком. Так твоя тётя распорядилась – очень уж рассердилась на то, что ты к ужину не пришла. Такие вот дела.

– Но я не могла прийти на ужин. Я в это время была очень высоко.

– Очень высоко, это уж точно! Только она-то об этом не знала, – усмехнулась Нэнси. – И хорошо, и пусть не знает. А насчёт хлеба с молоком ты уж не сердись, ладно?

– Да ты что, Нэнси! «Не сердись!» Я рада.

– Она рада! Господи! Да чему же ты рада?

– Как это чему? Я люблю хлеб, и молоко тоже люблю, и мне приятно будет ужинать вместе с тобой. Не понимаю, чему же тут можно не радоваться?

– Похоже, ты всему на свете радоваться умеешь. Мне бы так научиться, – вздохнула Нэнси, вспомнив о том, как вела себя Поллианна, впервые очутившись в душной мансардной комнатушке с голым полом и стенами.

– Хочешь научиться? – негромко рассмеялась Поллианна. – Так это совсем не трудно. Знаешь, это как бы игра такая.

– Игра?

– Ну да. Игра в то, чтобы просто радоваться.

– Что-то я в толк не возьму, о чём ты?

– Ну говорю же тебе. Это игра. В неё меня научил играть мой папа, и оказалось, что это просто чудесная игра, – принялась объяснять Поллианна. – Мы всегда в эту игру с ним играли, с тех пор когда я ещё совсем маленькой была. А позже я сама научила этой игре дам из благотворительного комитета, и они тоже начали в неё играть. Не все, конечно, но неко- торые.

– Ну и что это за игра? Только учти, я в играх плохо понимаю.

Поллианна снова рассмеялась, но тут же посерьёзнела, вздохнула, в угасающем свете дня её лицо казалось ещё более худеньким и печальным.

– Эту игру мы с папой начали, когда получили детские костыли.

– Костыли?

– Ну да. Видишь ли, мне тогда очень хотелось куклу, и папа даже писал об этом в миссионерский отдел, но леди из благотворительного комитета написала в ответ, что среди пожертвований кукол нет. Ни одной. А потом мы получили эти костыли. Та дама из комитета написала, что посылает их, потому что костыли могут пригодиться какому-нибудь ребёнку-калеке. Вот тогда мы с папой и начали игру.

– Что-то я не пойму, что это за игра такая. Как говорится, где кукла, а где костыли, – с лёгкой ноткой раздражения заметила Нэнси.

– Вот в этом-то вся соль! Игра заключается в том, чтобы находить повод для радости во всём. Даже там, где его, казалось бы, нет и быть не может. Так вот, мы с папой получили в виде пожертвования костыли.

– Ужас какой! Да хоть убей, не понимаю, как можно радоваться костылям, когда ты мечтаешь о кукле!

– А вот как! – прищёлкнула пальцами Поллианна. – Я, правда, сначала тоже не понимала как, но мне папа подсказал.

– Ну а теперь ты уж мне подскажи, сделай милость, – мрачно попросила Нэнси.

– Легко! Нужно просто радоваться тому, что эти костыли тебе не нужны! – торжествующим тоном объявила Поллианна. – Ну сама посуди, разве это не повод для радости – знать, что костыли тебе ни к чему?

– Да ну, ерунда какая-то получается, – пробурчала Нэнси, почти со страхом косясь на Поллианну.

– И вовсе не ерунда! Отличная игра! – убеждённо откликнулась Поллианна. – С той поры мы постоянно в неё играли. И чем труднее радоваться чему-то, тем веселее становится, когда ты такой повод всё-таки сумеешь найти. Но порой бывает, конечно, очень трудно радоваться. Например, когда твой папа ушёл на небеса и у тебя не осталось никого, кроме дам из благотворительного комитета.

– Понимаю. Или когда тебя запихнут в какую-то конуру на чердаке вместо нормальной комнаты, – проворчала Нэнси.

– Да, это тоже было тяжело, – со вздохом согласилась Поллианна. – Особенно в самом начале. Я такой одинокой себя почувствовала, что на время даже про игру забыла. Я же воображала, что у меня красивая комната будет – с мебелью, коврами, зеркалами, занавесками на окнах… А потом – бац! – зеркало! Я сразу вспомнила, как неприятно мне всегда видеть в зеркале свои веснушки. А без зеркала их не увидишь – разве не повод радоваться? Повод. Или вид

из окна, который лучше любой картины на стене. Тоже радость. Так что понимаешь, Нэнси, когда ищешь, чему радоваться, то при этом как-то забываешь про всё остальное. Ну, как про ту куклу, которую мне так хотелось, например.

– М-мм, – поперхнулась Нэнси подкатившим к её горлу комком.

– Как правило, много времени эта игра не занимает, – вздохнула Поллианна. – Поводы для радости я обычно нахожу без труда, не задумываясь даже. Я к этой игре привыкла. Она очень хорошая, эта игра. Мы очень её любили с… папой, – тут она слегка запнулась. – Правда, теперь, без него, мне в эту игру играть труднее будет. Но, может быть, тёте Полли она понравится, – немного поразмыслив, добавила девочка.

– Ей? Ага, сейчас! – под нос себе пробормотала Нэнси, после чего уже решительно, в полный голос заявила: – Слушай, мисс Поллианна. Я, конечно, не обещаю, что всё у меня будет получаться так же хорошо, как у тебя, и как играть, я тоже толком ещё не поняла, но играть с тобой в эту игру я буду. Как уж сумею. Такие вот дела.

– Ах, Нэнси! – расцвела Поллианна, крепко обнимая её. – Это будет замечательно! Просто чудесно будет, правда?

– Ну… может быть, – не скрывая сомнений, ответила Нэнси. – Только ты уж не слишком сильно рассчитывай на меня, ладно? Я играть не мастак, но я буду стараться, так что у тебя будет с кем поиграть, будет.

За этими разговорами они и дошли до дома и сразу направились на кухню.

Поллианна с аппетитом умяла хлеб, запила молоком, а затем по совету Нэнси пошла в гостиную, где её тётка читала, сидя в кресле.

– Ты поужинала, Поллианна? – холодно спросила она, глядя на племянницу.

– Да, тётя Полли.

– Мне очень неприятно, Поллианна, что пришлось в самый первый день отправить тебя на кухню и предложить только хлеб с молоком, но…

– А я была очень рада, что ты это сделала, тётя. Я люблю хлеб и молоко, и Нэнси мне тоже нравится. Так что тебе не должно быть ни капельки неприятно из-за этого.

Тётя Полли от неожиданности выпрямилась в своём кресле.

– А теперь тебе пора в постель, Поллианна. У тебя был трудный день, а завтра мы должны будем составить твой распорядок дня и посмотрим, что тебе нужно купить из одежды. Иди. Нэнси даст тебе свечу. Смотри, не урони её, пожара не наделай. Завтрак у нас в половине восьмого, постарайся на него не опаздывать. Спокойной ночи.

Поллианна подбежала к тётке и крепко обняла её – это получилось у неё совершенно непринуждённо, как что-то само собой разумеющееся.

– Я так чудесно провела сегодняшний день, – искренне сказала девочка. – Я знаю, что мне будет хорошо с тобой, тётя Полли. Я это знала ещё до того, как приехала сюда. Доброй ночи, моя родная.

И с радостной улыбкой упорхнула.

– Да что ж это такое, господи боже! – вполголоса проговорила ей вслед мисс Полли, сдвинув брови. – До чего необычный ребёнок! Она, видите ли, «рада», когда я её наказываю. При этом просит меня из-за этого не расстраиваться и уверена, что ей будет хорошо со мной! Ну и ну! Ну и ну!

Она ещё немного поудивлялась, покачала головой и взялась опять за свою отложенную книгу.

А в маленькой мансардной комнате, уткнувшись лицом в подушку, безутешно рыдала в это время маленькая одинокая девочка.

– Я знаю, папочка, что не играю сейчас в нашу игру. Прости, не получается. Тебе хорошо, ты среди ангелов, а мне здесь одиноко, и даже зацепиться не за что. Не могу я никак радоваться

тому, что придётся спать одной в этой тёмной пустой комнате. Если бы рядом со мной была Нэнси, или тётя Полли, или хотя бы дамы из благотворительного комитета, и то легче было бы!

А внизу, на кухне, яростно сражалась с грязной посудой Нэнси и отрывисто бормотала себе под нос, тыча ёршиком в кувшин из-под молока:

– Что за дурацкая игра… Радоваться, что тебе прислали костыли, когда ты хотела… куклу… Но если ей поможет, что я тоже начну играть… то я… конечно… буду играть!.. Буду, буду, буду, звёзды-бабочки!

Глава VI
Священный долг

Наутро после своего приезда Поллианна проснулась около семи часов. Оконца её комнаты выходили на юг и на запад, поэтому солнца ещё не было видно – только подёрнутое лёгкой дымкой голубое небо, обещавшее погожий тёплый день впереди.

В маленькой комнатке под утро стало прохладно, в приоткрытые окна залетал свежий, восхитительно пахнувший умытой листвой ветерок. Весело щебетали в саду птицы, и Поллианна, вскочив с кровати, скорее бросилась к окну – поболтать с ними. Взглянув вниз, она увидела свою тётю – та уже прохаживалась среди розовых кустов, любуясь цветами. Поллианна моментально оделась, привела себя в порядок и, оставив за собой распахнутыми настежь обе двери – в свою комнатку и в мансарду, – ринулась вниз, в сад.

Тётя Полли стояла, склонившись над розовым кустом, и о чём-то разговаривала со старым сгорбленным мужчиной.

– Тётя Полли, доброе утро, тётя Полли! Как я рада! Как я рада просто тому, что живу на свете! – восторженно прокричала Поллианна, бросаясь ей на шею.

– Поллианна, – решительно запротестовала мисс Полли, пытаясь выпрямиться ровно настолько, насколько позволяли ей это сделать повисшие на её шее тридцать с лишним килограммов жаркого детского тельца. – Ты что, со всеми так по утрам здороваешься?

Девочка отпустила руки и ответила, пританцовывая на цыпочках:

– Нет, только с теми, кого я люблю! Очень- очень люблю! Я увидела тебя из окна и вдруг подумала, что это ведь ты, моя родная тётя Полли, а не дама какая-нибудь из благотворительного комитета, и мне так радостно стало, так радостно! И я побежала вниз, чтобы поскорее обнять тебя!

Старик неожиданно повернулся к ним спиной и опустил голову, а мисс Полли…

А что мисс Полли? Она по своему обыкновению попыталась нахмуриться, но почему-то это у неё получилось сейчас хуже, чем обычно.

– Поллианна, ты… Я… Томас, пока на этом закончим. Я полагаю, вы поняли, что нужно сделать с этими розами… – сдавленным голосом сказала она, затем поджала губы и быстрым – в её, разумеется, представлении – шагом удалилась к дому.

– А вы всегда работаете в саду, мистер…? – поинтересовалась Поллианна.

Старик повернулся к ней. На губах его играла улыбка, но глаза влажно блестели, как от слёз.

– Да, мисс. Я садовник, а зовут меня Старый Том. Да, так и зовут. Старый Том. – Не в силах утерпеть, он протянул дрожащую руку и притронулся кончиками пальцев к светлым локонам Поллианны. – Как же сильно вы похожи на свою мать, маленькая мисс! Я ведь знал её с тех пор, когда она была даже моложе, чем вы! Но уже тогда я работал в этом саду – видите, как давно я здесь!

– Вы… Вы знали мою маму? – задохнулась от удивления Поллианна. – Правда? Когда она была маленьким ангелом ещё здесь, на земле, а не на небе? Ой, прошу вас, расскажите, расскажите мне о ней!

И Поллианна, не раздумывая, уселась перед садовником прямо дорожку – довольно грязную и мокрую от утренней росы.

Но поговорить со Старым Томом ей не удалось – со стороны дома долетел звон колокольчика, а следом за этим из задней двери выскочила Нэнси.

– Мисс Поллианна, это сигнал к завтраку, – запыхавшись, воскликнула она и, схватив девочку за руку, подняла её с земли и потащила бегом к дому. – Такой же сигнал даётся к

обеду и ужину. К любой еде, короче. Так что, как только услышишь его, беги со всех ног в столовую. А если зазеваешься, то уж прости, придётся нам тогда с тобой искать какой-нибудь другой повод для радости!

Произнеся всё это на одном дыхании, Нэнси загнала Поллианну в дом, как загоняет хозяйка в курятник отбившегося от стаи цыплёнка.

Первые пять минут завтрака прошли в сосредоточенном молчании, но затем мисс Полли заметила двух порхающих над столом мух и строго спросила, провожая их неприязненным взглядом:

– Нэнси, на всех входных дверях и окнах у нас установлены сетки, не так ли? В таком случае потрудись объяснить, откуда здесь взялись эти мухи?

– Понятия не имею, мэм. На кухне у меня ни одной мухи нет.

Накануне Нэнси была слишком взволнована, чтобы заметить открытые окна – без сеток, как мы помним! – в комнатке Поллианны.

– А, так это, должно быть, мои мухи, тётя Полли! – дружелюбно заметила Поллианна. – У меня в комнате их полно, и они прекрасно там себя чувствуют. Жужжат, ползают…

Нэнси согнулась, чтобы не расхохотаться, и поспешно покинула столовую, прихватив, кстати, поднос с горячими булочками, который только что принесла с кухни.

– Твои? – ахнула мисс Полли. – То есть как это твои? И откуда они взялись?

– Здесь они сверху взялись, с чердака, а туда в мои окна залетели.

– То есть ты видела, как эти мухи влетают? Ты открывала свои окна? Без сеток?

– Ну да.

В этот момент с кухни вернулась Нэнси, с булочками и суровым видом, только лицо у неё было каким-то подозрительно красным, как у человека, который перед этим долго, безудержно хохотал.

– Нэнси, поставь на стол булочки и немедленно поднимись в комнату мисс Поллианны, – шершавым хозяйским тоном приказала мисс Полли. – Закрой там окна. И двери тоже закрой. А когда вымоешь посуду и закончишь все прочие дела, возьми мухобойку и проследи, чтобы ни одной мухи в доме не осталось. Ни одной!

А своей племяннице она сказала:

– Поллианна, сетки для твоих окон я уже заказала, это, разумеется, мой священный долг. Но мне кажется, что и ты про свой долг забывать не должна.

– Мой долг? – удивилась Поллианна.

– Разумеется. Я понимаю, что сейчас жарко, но твой долг – потерпеть закрытые окна до тех пор, пока на них не поставят сетки. Мухи, Поллианна, не только раздражают, они ещё и заразу разносят. После завтрака я дам тебе прочитать очень полезную брошюру про мух.

– Прочитать? С удовольствием! Спасибо, тётя Полли, я очень люблю читать!

Мисс Полли с шумом втянула ноздрями воздух, а затем поджала губы. Заметив это, Поллианна озадаченно нахмурилась и поспешила добавить:

– Конечно, мне очень жаль, что я забыла о своём долге, тётя Полли. Очень жаль. Но я исправлюсь, исправлюсь и окна впредь открывать не стану.

Её тётка ничего на это не сказала. И вообще продолжала молчать как рыба до самого окончания завтрака, после чего прошла в гостиную, взяла там из книжного шкафа маленькую брошюрку в бумажном переплёте и вернулась к племяннице.

– Вот брошюра, о которой я тебе говорила. Ступай в свою комнату и немедленно прочитай её. А через полчаса я сама зайду к тебе, посмотрю, что у тебя есть из одежды.

С интересом рассматривая изображённую на обложке во много раз увеличенную голову мухи, Поллианна радостно воскликнула, не отрывая от неё глаз:

– Да, да! Благодарю тебя, тётя Полли! – и весело, вприпрыжку выпорхнула из столовой, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Мисс Полли, разумеется, нахмурилась, поморщилась, величественно подплыла к двери, открыла её, но Поллианны уже и след простыл, лишь детские каблучки звонко и быстро отсчитывали где-то наверху ступени мансардной лестницы.

Спустя ровно полчаса по тем же ступеням неспешно поднялась мисс Полли. Её лицо выражало христианскую покорность перед необходимостью исполнить очередную неприятную, хотя и священную обязанность.

– Ах, тётя Полли! – радостно приветствовала её появление в своей комнатушке Поллианна. – Спасибо тебе, дорогая! Никогда в жизни не читала ничего интереснее, чем эта книжечка про мух! Как хорошо, что ты дала её мне! Знаешь, я и не подозревала никогда, сколько всякого разного могут переносить мухи на своих лапках, и…

– Довольно, Поллианна, успокойся, – холодно осадила её мисс Полли. – Покажи мне лучше весь свой гардероб, я хочу взглянуть на твои вещи. Те, что поприличнее, оставим тебе, а всё остальное я отдам Салливанам.

Поллианна с явной неохотой отложила захватывающую брошюру про мух и направилась к платяному шкафу.

– Боюсь, что тебе мои вещи покажутся ещё ужаснее, чем дамам из благотворительного комитета, а они называли их просто позорными, – вздохнула она. – Но так уж получилось, что в последних двух или трёх сборах пожертвований были в основном вещи для мальчиков или пожилых людей. Скажи, тётя Полли, а ты когда-нибудь получала что-то из церковных пожертвований?

Увидев написанный на лице тётки ужас, Поллианна немедленно поспешила исправить свою оплошность.

– Да, конечно, ты никогда их не получала, тётя Полли! – покраснев, воскликнула она. – Я просто забыла, прости. Богатым людям это совершенно не нужно. Не сердись, но я порой забываю о том, что ты богатая… Особенно когда сижу в этой комнате.

Мисс Полли открыла рот, но не смогла выдавить ни слова. А Поллианна, сама не понимая, очевидно, того, какой удар только что нанесла ей своими словами, продолжала свою сагу о церковных пожертвованиях.

– Я, собственно, вот что хочу сказать. Никогда не угадаешь, что тебе пришлют в этих пожертвованиях, никогда. Наверняка знаешь только одно: того, что тебе действительно нужно, в них никогда не окажется. Это уж просто закон. Вот почему нам с папой так трудно было играть в нашу игру…

Тут Поллианна вспомнила, что ей запрещено при тёте говорить о своём отце, и она поспешила замять эту тему, а для этого нырнула в шкаф, чтобы вытащить из него весь скудный запас своих платьиц.

– Они некрасивые, конечно, – вздохнула Поллианна. – Но других у меня нет. И чёрного траурного платья у меня нет, потому что деньги нужны были на красную ковровую дорожку для церкви. Одним словом, это всё, что у меня есть.

Мисс Полли брезгливо, самыми кончиками пальцев притронулась к жалким платьицам, сшитым явно не по мерке Поллианны, затем, уже не притрагиваясь вовсе, взглянула на залатанное бельишко в ящиках комода.

– На мне пара хорошего белья, нового, – испуганно поспешила заверить свою тётку Поллианна. – Дамы из благотворительного комитета специально купили мне его перед поездкой сюда. На этом миссис Джонс настояла. Сказала, что меня необходимо одеть, даже если ради этого им придётся до конца дней своих стучать каблуками по голому проходу между скамьями. Но они всё равно купят ту ковровую дорожку, не волнуйся. Дело в том, что мистер Джонс никакого шума терпеть не может, как говорит его жена, у него «нервы». Но у мистера Джонса не только нервы, у него и деньги тоже есть, так что он, надо думать, раскошелится на ту красную ковровую дорожку. Ну, нервы-то ему дороже, правильно? А ты как думаешь?

Мисс Полли её, казалось, не слышала. Закончив осматривать бельишко племянницы, она спросила, резко – для неё, конечно, резко – повернувшись к ней:

– Надеюсь, ты ходила в школу, Поллианна?

– Ходила. Кроме того, папа… Словом, я ещё и дома училась.

– Хорошо, хорошо, – нахмурилась мисс Полли. – Значит, осенью пойдёшь в школу. В какой класс тебя записать? Впрочем, это пусть решит директор школы, мистер Холл. А пока что ты будешь читать каждый день по полчаса вслух. При мне.

– Я очень люблю читать, тётя Полли, а если ты не захочешь меня слушать, то я и одна с удовольствием буду читать. Правда, правда, тётя Полли! И мне даже не придётся стараться, чтобы радоваться этому, потому что я даже больше люблю про себя читать, а не вслух. Ну, из-за длинных слов, понимаешь?

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – суровым тоном откликнулась мисс Полли. – А музыке тебя учили?

– Так, чуть-чуть. Если честно, то сама я играть не люблю, зато очень люблю слушать, как другие играют. Я немного училась на пианино играть. Мне давала уроки мисс Грей – она у нас в церкви на органе играет. А вообще-то, тётя Полли, мне всё равно – учиться музыке или нет, правда.

– Охотно верю, – пошевелила бровями мисс Полли. – Охотно верю, но тем не менее считаю своим долгом дать тебе достойное воспитание, а значит, ты должна овладеть хотя бы азами нотной грамоты. Хорошо. Ну, а шитьё? Шить-то ты наверняка умеешь?

– О да, – со вздохом ответила Поллианна. – Шить меня учили дамы из благотворительного комитета, но это был ужас какой-то. Миссис Джоунс, например, считала, что, когда обмётываешь петли, иголку нужно держать не так, как её все остальные держат, а как она показывает. Миссис Уайт хотела, чтобы я сначала обратный шов освоила и уж только потом училась подрубать края. Или наоборот, не помню уже. А миссис Гарриман твердила, что мне вообще ни к чему учиться сшивать лоскутки…

– Больше таких проблем не будет, я сама буду учить тебя шить. Ну а готовить… Нет, готовить ты, я думаю, совсем не умеешь.

– Они только-только начали было учить меня этим летом, но… – Тут Поллианна неожиданно рассмеялась и продолжила, покачав головой: – Продвинулись мы совсем немного, потому что по поводу кулинарии мнения у них расходились ещё сильнее, чем с шитьём. Собирались начать с хлеба, но оказалось, что каждая дама печёт его по-своему, и в результате они только перессорились. Потом решили, что каждая из них будет учить меня на своей кухне. Первую неделю одна дама, следующую неделю другая и так далее. Короче, я научилась делать только шоколадную помадку и торт с инжиром, когда… – тут голос у неё задрожал, – когда… пришлось всё бросить.

– Шоколадная помадка и торт с инжиром! – презрительно фыркнула мисс Полли. – Ну ничего, это мы быстро исправим.

Она немного помолчала, прикидывая что-то в уме, затем решительно объявила:

– Значит, так. Каждое утро ровно в девять часов ты будешь читать для меня вслух. Недолго, всего полчаса. До этого будь любезна навести порядок в своей комнате. По средам и субботам после чтения и до полудня Нэнси станет учить тебя на кухне готовить. В остальные дни будешь шить со мной. После обеда – занятия музыкой, преподавательницу я тебе найду.

Закончив говорить, мисс Полли величественно поднялась со стула, на котором сидела, а Поллианна закричала в ужасе:

– Но, тётя Полли, тётя Полли! Ты же совсем не оставила мне времени, чтобы… просто жить!

– Жить? Не понимаю, что ты хочешь этим сказать. Разве ты не живёшь всё время?

– Ну да, я буду дышать и даже говорить, пока меня учат всяким премудростям, но это же не жизнь! Вот во сне ты тоже дышишь, но не живёшь же, верно? Для меня жить – это значит делать то, что хочется. Играть во дворе, читать – не по приказу, а для себя, по холмам бродить, с мистером Томом и Нэнси разговаривать обо всём на свете. Узнавать всё, что мне интересно, о городе, улицах, по которым я проезжала вчера, о домах, о людях, которые в них живут. Вот это я называю жизнью, тётя Полли. А просто дышать…. Нет, это не жизнь, не жизнь.

– Поллианна, ты самый необычный ребёнок, которого мне когда-либо доводилось видеть! – раздражённо вздёрнула подбородок мисс Полли. – Конечно, тебе будет предоставлено время для игр. В разумных пределах, разумеется. Но мой священный долг – это позаботиться прежде всего о том, чтобы ты получила надлежащее образование и воспитание. Однако священная обязанность есть и у тебя – ты не должна отвечать на мою заботу о тебе чёрной неблагодарностью.

Поллианна, казалось, была потрясена до глубины души.

– О, тётя Полли! Как же могу быть не благодарной… тебе! Я же так люблю тебя, так люблю! И ты же не какая-то дама из благотворительного комитета, но моя тётя! Родная!

– Ну хорошо, хорошо. Посмотрим, сумеешь ли ты быть благодарной, – сухо заметила мисс Полли, направляясь к двери. Она была уже примерно на середине лестницы, когда сверху до неё долетел тоненький взволнованный голосок:

– Тётя Полли! Тётя Полли! Ты так и не сказала, какие из моих вещей ты хочешь отдать этим… Салливанам, да?

Тётя Полли раздражённо вздохнула, и этот вздох долетел до ушей Поллианны.

– Да, я совсем забыла сказать тебе, Поллианна. Сегодня в половине второго Тимоти отвезёт нас с тобой в город. По магазинам. Ни одно из твоих платьев не годится для того, чтобы его носила моя племянница. Я не выполнила бы свой долг, если бы позволила тебе ходить в этом… Короче говоря, все твои платья пойдут Салливанам. Все до одного.

Теперь пришла пора тяжело вздохнуть самой Поллианне. Вот уж никогда не думала она, что так возненавидит когда-нибудь слово «долг»!

– Скажи, тётя Полли, – печально спросила она. – А в этом самом «долге» можно найти хоть что-нибудь, чему можно радоваться?

– Что? – оторопела мисс Полли. Она посмотрела наверх, покраснела и продолжила спускаться по лестнице, сердито приговаривая: – Не дерзи, Поллианна, не дерзи!

А Поллианна в своей жаркой душной комнатке опустилась на стул с жёсткой спинкой и задумалась. Будущее рисовалось ей сейчас как бесконечное исполнение священного долга и выглядело, честно говоря, безрадостно.

– Ну честное слово, не понимаю, что я ей такого дерзкого сказала, – вздохнула она. – Ну спросила, можно ли найти хоть какой-то повод для радости в исполнении этого её священного долга, только и всего.

Несколько минут Поллианна сидела, молча глядя на жалкую кучку выложенных на кровать платьев, потом встала и принялась убирать их назад в шкаф.

– Да уж, радоваться тут совершенно нечему, как я вижу, хотя… А почему бы не радоваться тому, что ты свой долг исполнила, а? – И она радостно рассмеялась. Впервые за всё утро.

Глава VII
Поллианна и наказания

Ровно в половине второго Тимоти повёз свою хозяйку и её племянницу по магазинам одежды, которых в городе было не так много, всего четыре или пять.

Подобрать новый гардероб для Поллианны оказалось делом непростым для всех, кто в нём принимал участие. В большей или меньшей степени непростым, конечно, делом, но зато для всех. Мисс Полли вышла из этого испытания с тем чувством облегчения, которое испытывает человек, успешно перешедший реку по тонкому льду. Продавцы, обслуживавшие этих двух клиенток, вышли из него с раскрасневшимися распаренными лицами и вдобавок с таким запасом историй, которых хватило, чтобы их друзья целую неделю потом покатывались со смеху. Поллианна? Она закончила поход по магазинам, сияя улыбкой, уставшая, но довольная до глубины души. Ещё бы! Ведь, как она объяснила одному из продавцов: «После того как ты всю жизнь носила то, что тебе досталось из церковных пожертвований, удивительно приятно вот так просто пойти в магазин и купить совершенно новые красивые вещи, которые ни укорачивать, ни надставлять не надо».

Поход по магазинам занял у Поллианны почти весь день, после чего был ужин, а затем приятные разговоры – сначала со Старым Томом в саду, а затем на заднем крыльце с Нэнси, – но это уже когда вся посуда была перемыта, а тётя Полли отправилась навестить соседку.

Старый Том рассказал Поллианне удивительные вещи про её маму, отчего она почувствовала себя счастливой, а Нэнси вспоминала об «Уголках», своей маленькой ферме за городом, где она жила со своей любимой мамочкой и – тоже любимыми, конечно же – братиком и сёстрами. И обещала, что когда-нибудь возьмёт с собой Поллианну познакомиться с ними. Если мисс Полли возражать не станет, само собой.

– А какие у них у всех прекрасные имена! Тебе очень понравится, как их зовут. Братика – Элджернон, а сестрёнок Флорабель и Эстелла. А я… – тяжело вздохнула она. – Ненавижу имя Нэнси!

– Какие страшные слова ты говоришь, Нэнси! «Ненавижу»! Да почему?

– Потому что у меня имя не такое красивое, как у остальных. Тут понимаешь, какое дело – я же первым ребёнком в нашей семье была, а в то время моя мама ещё не начала читать книжки всякие, в которых красивые имена встречаются.

– А мне имя Нэнси нравится, просто потому, что оно твоё.

– Хм! Ну, тогда тебе и Кларисса Мейбл тоже понравилось бы, – парировала Нэнси. – А уж как я сама рада была бы такому имени! Роскошное имя Кларисса Мейбл, просто роскошное!

– Ну, в таком случае радуйся, что тебя не назвали… Хаджиба!

– Хаджиба? – ужаснулась Нэнси.

– Ага. Миссис Уайт так зовут. Муж её называет «Ха». Миссис Уайт это ужасно не нравится. «Ха-Ха, подойди сюда!», «Ха-Ха, пойдём туда!» – словно она собачка какая-то.

Тоску-печаль Нэнси как рукой сняло, и она тут же заулыбалась во весь рот.

– Ну ты даёшь, Поллианна, ну даёшь, звёзды-бабочки! Теперь как услышу «Нэнси», сразу это «Ха-Ха» вспомню и хохотать начну от радости… – Нэнси вдруг на полуслове остановилась и спросила, удивлённо глядя на девочку: – Скажи… ты это сейчас нарочно, да? Сыграла со мной в свою игру, чтобы я радовалась, что меня не Хаджиба зовут?

Поллианна нахмурилась, потом рассмеялась.

– Вообще-то, да, Нэнси. Я действительно сыграла в свою игру, но на этот раз… как бы тебе объяснить… совсем не задумываясь. Само собой так получилось. Знаешь, такое случа-

ется, когда привыкаешь к этой игре. Ведь в жизни практически всегда можно найти повод для радости, особенно если долго учишься искать его.

– Н-ну, наверное, – не скрывая сомнения, согласилась Нэнси.

В половине девятого Поллианна отправилась спать. Сетки для окон ещё не доставили, поэтому в мансардной комнатушке было жарко, как в раскалённой печке. Поллианна с тоской посмотрела на плотно закрытые окна, однако даже подходить к ним не стала – разделась, аккуратно сложила одежду, прочла молитву, задула свечу и залезла в постель.

Время шло, а уснуть Поллианне никак не удавалось. Проворочавшись с боку на бок целую, как ей показалось, вечность, она не выдержала, выбралась из постели, впотьмах пробралась через комнату и открыла дверь.

Весь чердак чёрным бархатом окутала тьма, которую нарушала только узкая серебристая дорожка лунного света, протянувшаяся из восточного окна мансарды. Именно по ней и пошла Поллианна, стараясь не обращать внимания на пугающую темноту слева и справа от себя.

Ей очень хотелось надеяться, что хоть на этом освещённом луной окне окажется сетка, но её надежды не оправдались. А за окном широко раскинулся прекрасный, сказочный мир, в котором – это Поллианна знала совершенно точно! – было столько свежего, сладкого воздуха, такого прохладного, такого приятного для разгорячённых щёк и рук…

Подойдя к окну вплотную, Поллианна обнаружила ещё одну интересную вещь – крытую жестью крышу веранды, которую мисс Полли построила прямо под этим окном. И как же сильно захотелось Поллианне оказаться сейчас там, на этой широкой манящей крыше!

Она осторожно оглянулась – где-то там, в темноте, осталась раскалённая комнатка с жаркой, как сковорода, постелью. От окна её отделяла опасная темнота, через которую предстояло идти с тревожно бьющимся сердцем и широко раскинутыми в стороны руками. Далеко. Страшно. А совсем рядом, сразу за окном – чудесная крыша, залитая лунным светом и обдуваемая лёгким ночным ветерком.

Ах, если бы её кровать стояла на этой крыше! А что? Спят же некоторые под открытым небом! Взять, например, Джоэля Хартли из её родного городка на Западе. Он вообще круглый год спал на свежем воздухе, так ему врачи велели, потому что у Джоэля была чахотка.

И тут Поллианна вдруг вспомнила про мешки. Длинные, белые, они висели на чердаке на гвоздиках как раз рядом с этим окном. Нэнси говорила, что в этих мешках хранят летом зимнюю одежду. Поллианна ощупью добралась до этих мешков, выбрала один из них – пухлый, мягкий, на котором, должно быть, очень приятно будет спать.

Как потом оказалось, в этом мешке хранилась котиковая шуба мисс Полли. Потом нашла ещё один мешок, тоньше первого, который можно было свернуть как подушку, и третий, почти пустой, – чтобы укрыться им вместо одеяла. Поллианна выбросила все три мешка на крышу, выбралась следом сама и аккуратно прикрыла за собой окно – она очень хорошо помнила о мухах, которые столько разного, оказывается, переносят на своих удивительных лапках.

Как же хорошо, как восхитительно свежо и прохладно было на этой крыше! Поллианна чуть не запрыгала от радости, вдыхая полной грудью сладкий ночной воздух. Ей здесь нравилось буквально всё – даже то, как потрескивает жестяная крыша у неё под ногами, нравилось, и она с удовольствием прошлась по ней пару раз. Какой простор вокруг после её тесной душной комнатки! Крыша была такой большой и надёжной, что упасть с неё Поллианна совершенно не боялась. Находившись, насмотревшись и надышавшись, она уютно устроилась на матрасе из котиковой шубы, подложила под голову второй мешок вместо подушки, укрылась третьим и приготовилась заснуть.

– Теперь я так рада, что те сетки до сих пор не привезли! – сонно пробормотала она, глядя в звёздное ночное небо. – Иначе не спала бы здесь…

А тем временем внизу, в примыкающей к веранде комнате, бледная, испуганная мисс Полли в криво накинутом халате и домашних туфлях нервно говорила в телефонную трубку:

– Тимоти, поднимайся скорее и приходи сюда вместе со своим отцом. Фонари возьмите. По крыше веранды кто-то ходит. Наверное, забрался по решётке для роз или ещё как-то, не знаю. Боюсь, он может залезть в дом через восточное окно чердака. Чердачную дверь я уже заперла, но всё равно… Одним словом, поспешите!

Вскоре только что уснувшую Поллианну разбудили яркий свет фонарей и громкие удивлённые голоса. Разлепив глаза, она увидела перед собой Тимоти, стоящего на вершине приставной лестницы, Старого Тома, вылезающего на крышу из чердачного окна, а за его спиной – лицо своей тёти.

– Поллианна, что всё это значит? – сердито воскликнула тётя Полли.

Поллианна сонно поморгала ресницами и села на своих мешках.

– Ой, мистер Том… тётя Полли… – забормотала она. – Да не пугайтесь вы так! У меня нет чахотки, как у Джоэля Хартли. Я просто сбежала сюда от жары. Но ты не волнуйся, тётя Полли, не переживай, окно я за собой закрыла, так что мухи не занесут в дом этих… Как их… Мекробов.

После этих слов Тимоти неожиданно пропал, будто его ветром с лестницы сдуло. Старый Том поспешно сунул свой фонарь в руки мисс Полли и последовал за сыном. Мисс Полли сильно прикусила губу, дождалась, пока мужчины окончательно исчезнут в темноте, после чего суровым тоном сказала:

– Поллианна, немедленно подай мне эти вещи и сама залезай сюда. Ну что за наказание, а не ребёнок!

Вернув мешки на место, мисс Полли взяла Поллианну за руку и повела с собой, подсвечивая фонарём, который держала в другой руке.

После свежего ночного воздуха духота на чердаке казалась ещё невыносимее, но Поллианна ни на что не жаловалась, терпела, лишь разок-другой позволила себе долго, жалобно вздохнуть.

Дойдя до лестничной площадки, мисс Полли всё так же строго объявила:

– Остаток этой ночи ты, Поллианна, будешь спать со мной, на моей кровати. Сетки на окна привезут и поставят завтра, а до тех пор я считаю своим священным долгом не упускать тебя из вида.

– С тобой? В твоей постели? – ахнула от восторга Поллианна. – Ах, тётечка Полли, тётечка Полли, как это чудесно! Если бы ты только знала, как давно мне хотелось спать рядом с кем-то родным, не с дамами из комитета, ты же меня понимаешь, правда? Теми дамами я по горло сыта! Боже, до чего же я рада, что те сетки до сих пор не привезли! А ты? Ты рада, тётя?

Мисс Полли ничего не ответила, продолжала молча идти вперёд, чувствуя себя совершенно беспомощной. Ощущение это было очень странным и неприятным. Вот уже третий раз после приезда Поллианны мисс Полли наказывала – точнее сказать, пыталась наказать её, – и в третий раз эта удивительная девочка встречала наказание словно какую-то особую награду. Неудивительно, что из-за этого мисс Полли чувствовала себя совершенно выбитой из колеи, совершенно.

Глава VIII
Поллианна наносит визит

Прошло не так уж много времени, и жизнь в особняке Харрингтонов более или менее вошла в своё русло, хотя это был не тот, совсем не тот порядок, который изначально планировала мисс Полли. Да, Поллианна шила, играла на пианино гаммы, читала вслух и училась готовить на кухне, но ни одному из этих занятий не уделяла ни столько времени, ни столько прилежания, как ожидала её тётя. Каждый день Поллианна имела достаточно много времени для того, что она называла «просто жить», а если быть точным, то с двух до шести она занималась всем, чем хотела. Правда, за исключением тех вещей, которые были запрещены тётей Полли.

Впрочем, неизвестно ещё, кому больше нужны были эти часы досуга – Поллианне, чтобы отдохнуть от занятий, или мисс Полли, чтобы отдохнуть от Поллианны. Даже не счесть, сколько раз за прошедшие до начала июля дни мисс Полли приходилось восклицать: «Боже, ну что за ребёнок!», да и после каждого обычного сеанса чтения вслух или урока шитья она чувствовала себя совершенно измученной и слегка ошеломлённой.

А вот у Нэнси на кухне дела обстояли куда лучше. После общения с Поллианной она не чувствовала себя ни измученной, ни одуревшей, – напротив, среды и субботы стали для неё теперь, что называется, красными днями календаря, праздниками.

Особняк Харрингтонов стоял на окраине городка, соседних домов здесь было мало, а детей примерно одного возраста с Поллианной в них и вовсе не было. Могло показаться, что отсутствие сверстников – мальчишек и девчонок – станет для девочки проблемой, но этого не произошло. Поллианна прекрасно умела обходиться без них.

– Нет, меня совсем не волнует, что здесь не с кем играть, – объяснила она Нэнси. – Мне очень нравится просто бродить вокруг, разглядывать улицы, дома, за людьми наблюдать. я очень люблю людей. А ты, Нэнси?

– Ну, как тебе сказать… – замялась Нэнси. – Люблю, пожалуй… но не всех.

Почти каждый погожий день Поллианна выпрашивала разрешение «пробежаться вокруг» и, получив его, отправлялась в путешествие по городским улицам. И так уж получилось, что во время этих прогулок она стала постоянно встречать Мужчину. Именно так, с большой буквы, она называла его про себя, выделяя среди многих других мужчин – с маленькой буквы.

Мужчина чаще всего был одет в длинный чёрный сюртук, а на голове у него блестел шёлковый цилиндр. Собственно говоря, именно сюртук и цилиндр в первую очередь выделяли Мужчину из числа других прохожих, ничего подобного не носивших. Что вам ещё сказать про Мужчину? Лицо у него было гладко выбритое и довольно бледное, из-под цилиндра выглядывали волосы с проседью («соль с перцем», как говорят в таких случаях). Спину Мужчина держал прямо, не сутулился, ходил быстрым шагом и при этом всегда был один, отчего Поллианне каждый раз становилось немного жаль его. Возможно, именно поэтому она и рискнула однажды заговорить с ним.

– Как поживаете, сэр? – спросила она, в очередной раз столкнувшись с Мужчиной на улице. – Прекрасный сегодня день, не правда ли?

Мужчина удивлённо оглянулся по сторонам, никого, кроме Поллианны, не увидел и остановился в нерешительности.

– Ты… это мне? – хрипловато спросил он.

– Да, сэр, – лучезарно улыбнулась Поллианна. – Я сказала, что сегодня прекрасный день, вы не находите?

– А? Хм! Э… – пробурчал Мужчина и широкими шагами поспешил прочь.

Поллианна рассмеялась. «Какой он смешной!» – подумала она про себя.

На следующий день она вновь увидела его.

– Сегодня день не такой замечательный, как вчера, но тоже отличный! – радостно сообщила ему Поллианна.

– А? Хм! Э… – так же, как в прошлый раз, проворчал Мужчина, а Поллианна вновь рассмеялась.

Когда же она в третий раз приветствовала Мужчину теми же словами, он спросил:

– Послушай, девочка, ты кто? И почему ты каждый раз заговариваешь со мной?

– Я Поллианна Уиттер, и мне кажется, что вы одиноки. Я очень рада, что вы остановились поговорить со мной. Ну теперь мы, можно сказать, знакомы… Хотя я до сих пор не знаю, как вас зовут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.